

Л. П. Морина

ЦЕЛОСТНЫЙ ДИСКУРС: ЛЕГИТИМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Автор приглашает к размышлению о специфике культурного бытия в рамках целостного методологического дискурса, представляющего собой наиболее адекватный способ не только видения, но и бытийной легитимации объектов социокультурной реальности. В целях сравнения методологической эффективности различных подходов к описанию социокультурной реальности автор вводит критерий «культурная значимость» и предлагает варианты определения данного термина. В статье приводятся разнообразные феномены социокультурного бытия, выявляются их сущностные характеристики: двухуровневость, наличие сверхфактического ореола смысла и целостность. Целостный объект предполагает наличие соответствующей ему воспринимающей способности у субъекта культуры. Поскольку культурное пространство образуют по преимуществу объекты такого рода, то становится очевидным значение их понятийной фиксации, которая может быть реализована только в рамках целостного видения. Библиогр. 10 назв.

Ключевые слова: культура, субъект культуры, культурная значимость, целостность.

L. P. Morina

HOLISTIC DISCOURSE: THE LEGITIMIZATION OF THE SOCIO-CULTURAL REALITY

The author invites to think about the cultural specificity of being within a holistic methodological discourse. It is the most appropriate technique of not only vision, but also existential legitimation of objects of social and cultural reality. To compare the methodological values of different approaches, the author introduces the criterion of “cultural significance” to the definition of the term. The article presents various phenomena of socio-cultural life and identifies their essential features: a two-leveled structure, the presence of the superfactual halo of sense and integrity. Holistic objects assume the presence of the corresponding receptive skills in a cultural subject. As a cultural space is formed by objects of this kind, the value of their notional fixation, which can be realized only in the framework of a holistic vision, becomes obvious. Refs 10.

Keywords: culture, subject of culture, the cultural significance, integrity.

На протяжении нескольких лет в Институте философии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) ведутся исследования по методологии целостности гуманитарных и социальных наук, начатые по инициативе Ю. Н. Солонина. Исследования оказались продуктивными в разных направлениях: они позволили не только разработать базовые моменты онтологии целостности, но и очертить ее методологическую эффективность в описании феноменов социокультурной реальности. Наиболее продуктивным этот метод оказался именно для культурологии, где методология тесно связана с онтологией и гносеологией, поскольку существует тесная взаимосвязь между тем, что признается существующим и определяется как истинное в культуре, и навыками и способностями «видения»

Морина Лариса Павловна — доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; mlp207@yandex.ru

Morina L. P. — Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; mlp207@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

этой реальности. Культурные объекты определяются лексическими средствами и обретают бытийную телесность в рамках конкретного дискурса. Так, известны различные методические «окуляры» — функциональный, системный, структурный и др., в рамках которых объекты культуры раскрываются специфическим образом — в аспектах смыслополагания, системных свойств, структуры, законов функционирования и т. д., не говоря о феноменах мировоззренческого характера, бытийный статус которых напрямую зависит от парадигмальных установок. Если обратиться к словарям по культурологии, то можно легко понять, насколько разнообразны варианты определения и формы бытийной легитимации культурных феноменов. Впору поставить философский вопрос — какова культурная реальность сама по себе, существует ли она как таковая вне форм ее восприятия? Иначе говоря, возможно ли разделение методологии и онтологии в культурологии? Как показывает современная наука, разграничение видения объекта и самого объекта не может быть обеспечено уже на уровне физических явлений микромира, не говоря уже о феноменах смысловой реальности. Фактически приходится констатировать, что в теоретической и, тем более, прикладной культурологии мы имеем дело с конвенциональным продуктом, с тем объектом, который мы отформатировали в рамках соответствующего методологического подхода.

Отсюда сравнение методологической эффективности различных подходов может производиться по принципу познания и сравнения культурной значимости их плодов. Поскольку в нашем случае иные варианты оценочных суждений не предусмотрены, то остается довериться данному универсальному инструментарию. Итак, заявленный в начале статьи целостный подход должен был доказать свое преимущество именно в отношении культурной значимости своих результатов, чтобы претендовать на статус «культурологического по преимуществу».

Определение одного понятия вынуждает определять другое понятие, посредством которого оно определяется, и так далее. Чтобы не впасть в дурную бесконечность или тавтологический круг, постараемся обойтись минимальным количеством терминов. Так, в нашем дальнейшем рассуждении будет совершенно необходимо осмысленно использовать выражение (оно же понятие) «культурная значимость». Является ли «культурная значимость» синонимом «резонансности»? Если да, то культурно значимым событием будет, к примеру, «ограбление века» и тому подобные «громкие» события, о которых говорят, пишут и снимают кино. Применительно к концепциям и образованным на их основе методологическим принципам резонансностью может быть «мода», понимаемая как популярность и тотальное овладение умами. Так, XX в., как известно, имел несколько таких «трендов» — марксизм, фрейдизм и структурализм. Первым же признаком недостаточности и неполноты резонансной аргументации является ее внешний характер по отношению к самой культуре. Несмотря на то что указанные «тренды» мировой мысли оказали сильное влияние на социокультурную реальность, сформировали свои обширные отно-кластеры, тем не менее, каждый из них «недорабатывал» в плане репрезентации культурных смыслов. Не случайно одно модное течение сменяет другое.

Другими вариантами интерпретации «культурной значимости» могут быть признаны гуманитарный фактор, влияние на личность, актуализация ее потенциальных ресурсов и т. п. И тут, пожалуй, любой тренд будет свидетельствовать

в пользу своего преимущества, поскольку каждый из них раскрывает «глубинные уровни» человека XX в., совершая тем самым антропологические революции (каждую в своем роде). Общим итогом («плодом») модных доктрин прошлого века является их политико-конструкционистский характер. Не случайно на их базе формируются впоследствии дискурс-аналитические стратегии, утверждающие в качестве главного своего приоритета дискурсивное конструирование социального. Если их предшественники стремились к объективному описанию социокультурного и антропологического объекта (в соответствии с их пониманием объективности), то последователи откровенно избавляются от груза избыточного позитивного знания и сосредоточиваются на приемах технологического манипулирования.

Ни резонансность, ни популярность концепций не свидетельствует об их культурной значимости. Можно было бы и дальше упражняться в моделировании сюжетов различных подходов к определению «культурной значимости», но, думается, двух вариантов достаточно, поскольку наша цель состоит не в их критике, а в позитивном раскрытии основной идеи. Постараемся ответить на вопрос, какова культурная значимость онтологии целостности как метода описания культурных феноменов, а заодно — определить-таки понятие «культурная значимость».

Целостный подход рассматривает объекты культуры в их комплексности. Казалось бы, что в этом оригинального? Ведь и структурный, функциональный, и системный подходы нацелены на то же самое. Дело в том, что речь идет о другой комплексности, *целостной* комплексности, которая образуется от единства *фактической* и *сверхфактической* реальности. Целостность открывается в целом и через целое, образуя «сверхфактический» модус бытия и смысла. Пояснить эту витиеватую мысль нам поможет пример с картиной в работе «Око и дух»: М. Мерло-Понти говорит, что у него вызвал бы значительные затруднения вопрос, *где* находится картина, на которую он смотрит. Картина — это не обычный предмет или вещь. Это не физическая реальность, которая воспринимается органами чувств — полотно, краски, светотени и т. д. Это образ, который возникает *при взгляде на картину*, образуется *с ее участием*, но *не сводится* к ней. «Чтобы увидеть вещь, не следует вглядываться в эту игру. Видимое, взятое в обыденном смысле, забывает свои предпосылки» [1, с. 9]. Образ находится по ту сторону визуальных данных как некая таинственная идеальность, несводимая и невыводимая из своих вещественных предпосылок. Специфика такого цельного бытия определена М. Мерло-Понти как «квазиаличное бытие», поскольку такой объект существует и не существует одновременно. И это очень точное, на наш взгляд, понятие, так как в нем «схватывается» специфика бытования культурных форм вообще. Действительно, в культуре занимают значительное место *двухуровневые объекты*, реализующие единство видимого и не-видимого. Поэтому основное содержание культуры *не-очевидно* в буквальном смысле слова. Будучи нередуцируемым к материальному субстрату, оно ускользает, уворачивается от аналитических процедур фиксации. Предметом гуманитарных наук являются не объекты и не предметы в их количественных аспектах, но сфера смысла, некая качественная сверхфактичность бытия.

В истории гуманитарной мысли накоплены в большом количестве предпосылки целостной методологии. Так, ключевая категория герменевтики «понимание» выражает требование интуиции видения целостных объектов. Х.-Г. Гадамер говорит о гуманитарном познании как познании исторически конкретных и неповто-

римых «процессуальностей-в-себе». В. Дильтей определяет «переживание» как способ связи с жизнью целого, а А. Бергсон — как «репрезентации целого». Г. Зиммель сравнивает переживание с приключением, «выбивающим» человека из накатанной колеи и открывающим в нем способности к восприятию новых граней смысла. Понимание — целостное и рождается благодаря «холистической интуиции», которую можно было бы отнести к числу врожденных «перформативов». Круг в понимании, о котором пишет М. Хайдеггер, есть не что иное, как интерпретация в контексте предзаданной тотальности смысла, «движения внутри определенной концептуальности». «Высказывание необходимо имеет, как толкование вообще, экзистенциальные основания в предвзятии, предусмотрении и предрешении» [2, с. 157]. Имплицитно содержащаяся интенция предзаданной смысловой целостности («предпонимание») составляет основу любого типа общественного сознания. *Предпонимание* образуется принадлежностью к традиции и обеспечивается общностью основополагающих представлений.

Искусство (в его классическом понимании) с его основополагающей ролью переживания является «снятием действительности в истине». Популярным историческим примером роли искусства, способного возводить к целостности бытия, служат трагическое и механизм катарсиса, описанные Аристотелем. Зрителю через переживания *элеоса* и *фобоса* открывается некое общее (лицо судьбы, метафизический план бытия), которое недоступно в восприятии обыденного течения жизни. Греческая трагедия, с одной стороны, это путь избавления от невежества, с другой стороны, путь самопознания, обретение смысла бытия. Художественные переживания могут быть вызваны только целостным произведением. С позиции же аналитико-искусствоведческой («манера», «техника» и пр.) произведение рассыпается на материальные элементы, а его восприятие утрачивает диалогичность и сопричастность смысловой тотальности. Именно целостность есть некое «сверх», что «проговаривает» себя, «энергетично» раскрывается навстречу, «лично» репрезентируется в образе. Художественное произведение целостно как в аспекте его восприятия, так и в аспекте его возникновения. Его рождение, условно говоря, происходит целиком и сразу из некоего «духа», оно словно «сворачивается в мгновение». Что касается музыкальных произведений, то, по свидетельствам композиторов, они возникают в сознании как некие образы вне времени, целиком и сразу.

Н. Данилевский и О. Шпенглер вводят в культурологию понятие организма для описания социальных объектов (культурно-исторические типы, этносы, нации, государство и т. д.). Социальные организмы не могут быть адекватно определены как аккумулятивные феномены. Большое значение имеет интегральная, надфактичная их характеристика, некий невидимый дух целостности («душа»).

Основная категория семиотики «текст» недвусмысленно выражает идею целостности. Текст онтологически предшествует отдельным входящим в него знакам и не сводится к ним, являясь «супрасегментным образованием». Ю. М. Лотман говорит о тексте как интегрированном иконическом знаке, а Ю. Кристева ассоциирует текст с «жестом». Р. Барт в «Системе моды» дает пример семиотического анализа вполне бытового феномена — костюма — и показывает, что он есть некое стилистическое целое, внутри которого происходит переозначивание элементов одежды.

Наиболее концентрированно целостные аспекты видения представлены в аксиологии. Смыслополагание, движение в пространстве смысла, является сутью

культурного бытия. Смысл принадлежит целому, он холистичен по определению: смысл может быть смыслом только конкретного целого и очерчен рамками этого целого — он не может быть обращен к фрагментам или частям. Ценность как вид смыслополагания проявляет себя только в целостном восприятии. Например, нравственная ценность заставляет ощущать некую сверхфактичность, идеальную суть события, в процессе переживания которой происходит «достраивание», тотализация какого-либо единичного факта. И. Кант считал, что человек обладает априорной способностью к целостному видению, что выражается в отличающем его от всего живого моральном законе. В качестве ориентира для нравственной оценки он предлагает прием ценностной генерализации: воззри на свои поступки в оптике универсума, и мера их моральности станет очевидна. Энергетическое свойство ценности в структуре сознания — быть *инкорпорирующим началом* — означает, что ценность способна функционировать в качестве объединяющего начала: создать общественное тело и служить фундаментом смысловой тотальности. В этом своем состоянии она способна к «самовозрастанию» [3].

Безусловно, целостными феноменами — *так*, как они описаны Ю. М. Лотманом, В. В. Колесовым и др., — являются символы. Они представляют собой синкретические «сгустки смысла», «свернутые мнемонические программы». Символ обладает памятью, в нем закодирована история человека, условия его существования. При этом денотативный уровень символа вполне материален. Например, что такое тотем? На уровне эмпирического восприятия — это животное, птица или растение. Но на уровне глубинного смысла — это свернутый *символический* текст, который несет в себе код семейных и других отношений племени. П. Флоренский выявляет укорененность символа в мировой реальности. Символ, как единство видимого и невидимого, по его мнению, с одной стороны сверхчеловечен, а с другой — человечен. По этой причине становится возможной его «инициатическая» функция в культуре: трансцендирование и выход за пределы субъективности [4, с. 344].

Сознание само по себе холистично: это переплетение уровней чувства и ума, вербального и образного, телесного и духовного, логики и интуиции и т. д. Также в социальном поведении человек, не зная объективных законов развития сферы, в которой он естественным образом поступает, поступает так, словно он их знает, или ретроспективно его поведение рассматривается как соответствующее тем или иным законам. Это связано с существованием «феноменов» сознания, некоторые из них, действующие в экономической жизни субъекта, описаны Марксом. «Феномены есть то посредствующее звено, которое соединяет в себе — нерасчлененно — с одной стороны, представление объективных отношений, а с другой — субъективную очевидность, не предполагающую абсолютного знания и действия, на нем основанного. Феномен — это уровень, на который переместилось, сгустилось и сжалось в какой-то непосредственной для человека достоверности множество связей, и следование феномену как необходимой видимости сознания есть одновременно тем самым следование неким объективным связям, которые при этом остаются скрытыми, есть их выполнение ([оно] осуществлено через следование феномену)» [5].

Культура не только базируется на целостных феноменах, но и выдвигает встречные требования субъекту, поскольку целиком и полностью зависит от его *культурсообразного* качества. Мерло-Понти говорит, что восприятие картины «в действительности... покоится на полной и цельной зримости» [1, с. 9]. Это относится к про-

блеме развития самого субъекта. Р. Барт считает, что смысл изображения подвержен колебаниям перцептивной способности. Он предлагает градацию перцептивных уровней восприятия образа в диапазоне от частичных (например, видеть вместо картины фактуру поверхности) до оптимальных, «на которых образ является наиболее интеллигибельным» [6, с. 47]. Утрата навыков «цельной зримости», осуществляемая последовательно и системно в современном мире, приводит к изменению фундаментальных принципов культуры и сознания человека, для которого культура является его природой. Глубокие идеи о сущностном определении культурного субъекта, который не рождается тем, кем он должен стать, а также об «образовании» как способе его формирования через *подъем ко всеобщему* определены Г. В. Ф. Гегелем. На пути преодоления партикулярности бытия и ограниченности сознания «образование» — это последовательное отчуждение от себя и примирение с собой иным в масштабе всеобщего, возвращение к себе самому из инобытия. Не случайно Г.-Х. Гадамер назвал эту идею «величайшей мыслью XVIII в.», поскольку таким образом оказалась выявлена стихия, в которой существуют гуманитарные науки [7, с. 50].

Возвращаясь к понятию «культурная значимость», мы можем, наконец, попытаться дать в общих чертах ему определение. В любом случае, понятно, что культурная значимость может оцениваться только в масштабе тотальности. Если речь идет о человеке, то культурно значимым будет, строго говоря, все то, что способствует формированию сознания культурного субъекта, а не развивает в нем разного рода потребительские интенции (как бы они ни были приятны и полезны). Здесь вполне уместны, на наш взгляд, импликации гегелевского понятия «образование». Если речь идет о методе исследования и описания культурного бытия, то, соответственно, этот метод должен выявлять сущностные характеристики бытия культурных феноменов, стараясь приблизиться к их аутентичному смыслу в контексте культуры. Поскольку, как мы рассмотрели выше, спецификой бытия культурных объектов является их двухуровневость, сверхфактичность, целостность, то становится очевидным значение их понятийной фиксации, которая может быть реализована только в рамках целостного видения¹.

Литература

1. Мерло-Понти М. Око и дух. М.: Искусство, 1992. 61 с.
2. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2006. 450 с.
3. Гильдебранд Д. Метафизика коммуникации. СПб.: Алетейя, 2002. 350 с.
4. Флоренский П. У водоразделов мысли: соч. в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. 447 с.
5. Мамардашвили М. Проблемы анализа сознания. Лекция 10. URL: <http://mamardashvili.com/archive/lectures/consciousness/10.html> (дата обращения: 15.10.2015).
6. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 511 с.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
8. Морина Л. П. Онтология целостности: концептуальная база культурологии // Понятие целостности в логико-методологическом аспекте. Труды научного семинара по целостности. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2012. С. 143–160.
9. Морина Л. П. Холистическая эпистемология сознания // Проблема целостности в гуманитарном знании. Труды научного семинара по целостности. М.: Этносоциум, 2013. Т. IV. С. 121–144.

¹ Более подробно отдельные аспекты рассматриваемой темы разработаны в серии публикаций, выполненных в рамках тематического плана НИР СПбГУ «Формирование основ гуманитарного и социального знания на принципах онтологии целостности» [8–10].

10. Морина Л. П. Телесность как тотализирующий принцип культуры // Принцип целостности и науки о культуре. Труды научного семинара по целостности. М.: «Этносоциум», 2014. Т. V. С. 62–84.

References

1. Merlo-Ponti M. *Oko i dukh [The Eye and the Spirit]*. Moscow, ART Publ., 1992. 61 p. (In Russian)
2. Khaidegger M. *Bytie i vremia [Being and time]*. St. Petersburg, Science Publ., 2006. 450 p. (In Russian)
3. Gildebrand D. *Metafizika komunikatsii [Metaphysics of communication]*. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2002. 350 p. (In Russian)
4. Florenskii P. *U vodorazdelov mysli: soch. v 2 tt. [The watersheds of thought: in 2 vols.]*. Moscow, Pravda Publ., 1990, vol. 2, 447 p. (In Russian)
5. Mamardashvili M. *Problemy analiza soznaniia. Lektsiia 10 [Problem of the analysis of consciousness. Lecture 10]*. Available at: <http://mamardashvili.com/archive/lectures/consciousness/10.html> (accessed 15.10.2015).
6. Bart R. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury [The system of fashion. Articles about semiotics of culture]*. Moscow, Publisher name Sabashnikova, 2003. 511 p. (In Russian)
7. Gadamer Kh.-G. *Istina i metod [Truth and method]*. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p. (In Russian)
8. Morina L. P. Ontologiya tselostnosti: kontseptual'naya baza kul'turologii [The integrity of the Ontology: the conceptual framework of cultural studies]. *Poniatie tselostnosti v logiko-metodologicheskom aspekte. Trudy nauchnogo seminaru po tselostnosti [The Concept of integrity in logical and methodological aspect. Proceedings of the seminar on scientific integrity]*. Moscow, International Publishing center "Ethnosocial", 2012, pp. 143–160. (In Russian)
9. Morina L. P. Kholisticheskaya epistemologiya soznaniia [Holistic epistemology of consciousness]. *Problema tselostnosti v gumanitarnom znanii. Trudy nauchnogo seminaru po tselostnosti [Integrity Problem in Humanities. Proceedings of the seminar on scientific integrity]*. Moscow, "Ethnosocial" Publ., 2013, vol. IV, pp. 121–144. (In Russian)
10. Morina L. P. Telesnost' kak totaliziruiushchii printsip kul'tury [Totalitarian Embodiment as the principle culture]. *Printsip tselostnosti i nauki o kul'ture. Trudy nauchnogo seminaru po tselostnosti [The Principle of integrity and science on culture. Proceedings of the seminar on scientific integrity]*. Moscow, "Ethnosocial" Publ., 2014, vol. V, pp. 62–84. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 10 сентября 2015 г.